

«Прямая и явная угроза» — фильм новой политической эпохи. Он посвящен важной проблеме — в какой момент супердержава может вмешаться в дела другой страны и в какой форме должно проходить это вмешательство».

Филипп Нойс,
режиссер

«Не убивайте меня,
я всего лишь патриот»

Книга «Прямая и явная угроза» Тома Клэнси, опубликованная в 1989 году, заняла первое место в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс» и разошлась тиражом в 6 миллионов экземпляров. Как водится в Америке, роман сразу привлек к себе внимание голливудских продюсеров — и недаром. Экранизация первых двух книг этой трилогии — «Охота за «Красным Октябрем» и «Игры патриотов» собрала в мировом прокате 350 миллионов долларов. Книги Тома Клэнси включаются в списки бестселлеров с 1988 года. «Охота за «Красным Октябрем» попала в хиты после того, как о ней восторженно отозвался президент Роналд Рейган. Но создатель жанра «техно-триллера» не почил на лаврах. С тех пор он выпустил в свет еще четыре романа общим тиражом 31 миллион экземпляров. Когда в 1991-ом на прилавки попала его книга «Сумма страхов», магазины открылись на час раньше, чтобы желающие успели купить ее до начала рабочего дня. Карьера писателя выглядит особенно фантастичной, если учесть, что всю свою предшествующую жизнь он провел скромным страховым агентом. Правда, в свободное время с необычайной страстью изучал военную историю Америки. Теперь он обитает в особняке, насчитывающем 24 комнаты. В подвале размещается тир. Клэнси не строит из себя «настоящего» писателя и вполне отдает себе отчет в том, что в рейтинге литературных снобов занимает более чем скромное место. Тем не менее он не делает тайны из своих взглядов и привычек и охотно беседует со всеми, кто хочет взять у него интервью.

— Ваша литературная карьера началась довольно поздно. Почему вдруг вы решили взяться за перо?

— У меня всегда были разносторонние интересы. Я начинаю писать, когда понимаю, что набрел на любопытную мысль. Я, правда, не уверен, что мои занятия можно назвать «литературой».

Литература — это то, что ребяташки проходят в школе через сто лет после твоей смерти. Но жаль

будет, если меня забудут после смерти.

— А если вы не рассчитываете на вечность, то зачем вообще пишете?

— Для денег. И пусть вас это не шокирует. Это древняя традиция. Вспомните хотя бы Шекспира. Кроме того, мое вероисповедание утверждает, что после смерти меня ждет гораздо более суровый суд, чем здесь, на земле.

— Вы как-то сказали, что не любите журналистов, гомосексуалистов и политиков. За что они попали в немилость?

— Вы должно быть решили, что имеете дело с мизантропом, человеконенавистником. И, пожалуй, это правильно. Меня, например, крайне удивляет, откуда эти писаки берут некоторые свои факты. А что касается политиков, то на их счет есть прекрасный анекдот. Хочешь знать, когда политик начинает врать? — Когда открывает рот. Вы еще спрашивали про гомосексуалистов. Не кажется ли вам, что если все мировые религии осуждают эту наклонность как противоестественную, в этом должна быть какая-то правда? И если у них находят защитники, то это все люди, не уважающие религию. А для меня ее авторитет незыблем.

— А почему вы терпеть не можете литературных критиков?

— А вы знаете, что это за люди — литературные критики? — Неудавшиеся писатели. Кто сам не способен сочинить роман, критикует чужой. Единственные критики, чьим мнением я дорожу, — мои читатели. Я уважаю их, потому что они покупают мои книжки за свои кровные, а не получают их из издательства на халяву.

— Ваши романы очень популярны среди военных. А правда ли, что бывший адмирал морского флота Джон Леман пришел в ярость, прочитав «Охоту за «Красным Октябрем» и потребовал разыскать того, кто передал вам сверхсекретную информацию?

— Да, это было так. Но, думаю, адмирал пошутил. Когда мы с ним встретились, он

63 64

сказал, что если бы автором романа оказался кто-нибудь из бывших военных, он привлек бы его к ответственности за нарушение устава.

— Но каким же образом вам удалось добыть эти сведения?

— Все они были опубликованы в специальных журналах. Как правило, люди даже не подозревают об их существовании, а они доступны почти любому. У меня не было никаких агентов, поставлявших военные тайны. А если бы кто-то и попытался это сделать, я бы отправил его в ФБР. И такой случай был. Кстати, ФБР часто приглашает меня выступать с лекциями. Как вы полагаете, стали бы они это делать, если бы я выдавал военные секреты?

— Правда ли, что ваши книги настолько документированы, что их используют в военных академиях в качестве учебных пособий?

— Да, правда. Мои книги входят в списки для обязательного чтения в нескольких учебных заведениях.

— Вас обвиняют в том, что вы рисуете войну как увлекательное приключение...

— Категорически не согласен. Это был бы худший вид порнографии.

— Верно ли, что вы глубоко огорчились, когда вас не взяли на военную службу из-за слабого зрения?

— Да, это был удар. Но потом я смирился. Я глубоко убежден, что каждый гражданин должен служить своей стране. Только исправно платить налоги недостаточно. Мне хотелось отблагодарить Америку за те возможности, которые она мне предоставила.

— Так или иначе, вы посвятили себя военному делу. Ваша коллекция оружия приобрела мировую известность.

— Европейцам наша американская страсть к оружию непонятна. Дело в том, что наша страна очень молода, а ее история коротка. Нам нужно было оружие, чтобы завоевывать запад. Оно было необходимо, чтобы защищаться и добывать себе пропитание. Эта традиция не умирает, потому что у нас огромная территория и много места, где можно пострелять. А в Европе это

просто негде сделать.

— В одном из интервью вы заметили, что оружие лучше, чем секс.

— Если я действительно сказал нечто в этом роде, то должен внести ясность. Я женат, у меня четверо детей, и я не придерживаюсь сексуальных ограничений секты мормонов. («Мессаджер»)

За пригоршню долларов «Я как обезьяна в хорошем цирке», — так квалифицирует свой успех Гаррисон Форд, приписывая его крупному везению и умению окружать себя людьми, способными делать хорошее кино.

Как бы то ни было, «обезьянка» обходится недешево. Чтобы второй раз после «Игр патриотов» сыграть Джека Райана в «Прямой и явной угрозе», Форд запросил 11 миллионов долларов плюс 11,5 процентов от сборов. Этого с лихвой хватит, чтобы содержать собственный реактивный самолет и сниматься только в двух картинах в год. Двух, но очень значительных. Одержимый совершенством, Гаррисон Форд доводит режиссеров и продюсеров до обмороков, отказываясь от дублеров и практически всегда рискуя своей головой в съемках самых опасных трюков. Он лично следит за подбором актеров, работой художников по костюмам, монтажом и строчками сценария. Преодолевая природную застенчивость, Форд дал множество интервью, чтобы обеспечить своему последнему фильму достойный промоушн.

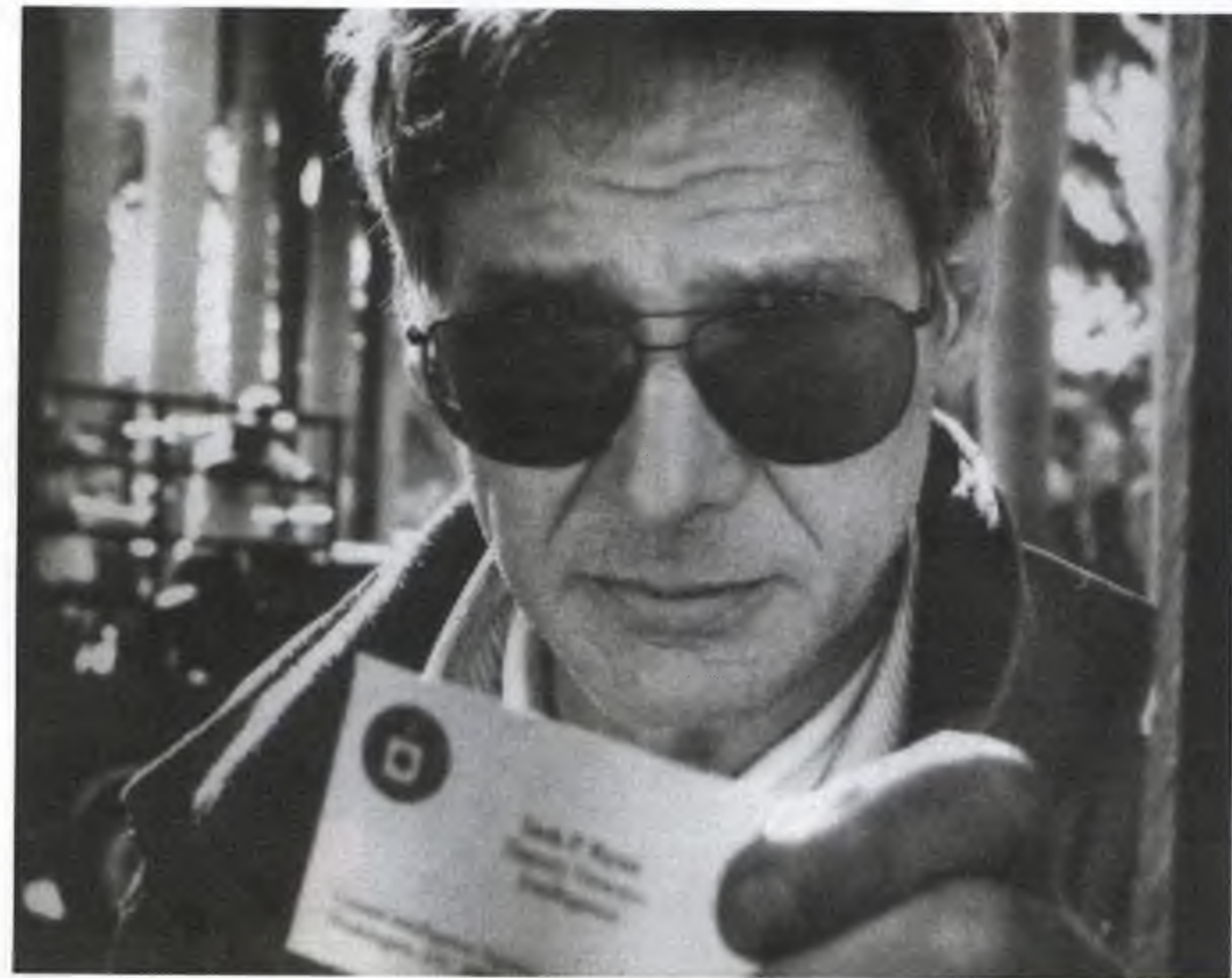
Новая глава жизни и деятельности бывшего аналитика, а теперь заместителя директора ЦРУ по интеллектуальному обеспечению Джека Райана посвящена ожесточенной войне с наркобизнесом, а точнее — разгрому американцами Меделинского кокаинового картеля. Джек Райан выясняет, что убитый на своей яхте близкий друг президента Соединенных Штатов (весьма смахивающий на Джорджа Буша) был замешан в деле Колумбийской наркомафии. Завязывается

схватка, напоминающая противостояние мушкетеров короля с гвардейцами кардинала: в бой вступают люди из верхушки ЦРУ и высокопоставленные чиновники из окружения президента. Действие разворачивается на улицах Боготы, в колумбийских джунглях и коридорах власти Белого дома, а высшей точки накала достигает в самом «хай-тековском» эпизоде этого шпионского триллера — дуэли на компьютерах между Джеком и другим заместителем директора ЦРУ — по оперативным акциям — Робертом Риттером, отчаянно спешащим уничтожить улики.

Слова о патриотизме, которые произносит с экрана Джек Райан, сегодня по-русски как-то даже неудобно цитировать: они звучат как афоризмы из доброго старого соцреалистического кино, которое нынче принято пинать ногами. А для американцев это в

порядке вещей, быть патриотом для них так же естественно, как чистить зубы по утрам. И никто не смеется над романтичным идеализмом сотрудника ЦРУ, никто не считает это липой. И капиталистическая акула, продюсер Мейс Нейфелд вполне серьезно заявляет: «Джек Дайан воплощает в себе многие качества, которые восхищают американцев — высокую нравственность, любовь к родине, желание и способность сделать при необходимости решительный смелый шаг». Что тут скажешь — прав Том Клэнси: молодая страна, не то что дряхлая Европа с ее угасшим жизненным запалом. Невольно задумаешься, а мы-то что же? Судя по любви к оружию — тоже вроде молодые, а вот по части качеств, перечисленных Нейфелдом, явно не дотягиваем. Тут уж мы, видно, европейцы. А вот бы наоборот...

Нина Цыркум

65